

Муретов М. Д. Пророчество и языкоговорение (глоссолалия), как знаменія для верующих и неверов: (1 Кор. 14, 20–25) // Богословский вестник 1904. Т. 2. № 7/8. С. 496–520 (4-я пагин.).

Пророчество и языкоговореніе (глоссолалія) какъ знаменія для вѣрующіхъ и невѣровъ.

1 Кор. 14, 20—25.

Рѣчь здѣсь—о сравнительномъ значеніи пророчества и языкоговоренія или глоссолаліи для пользы Церкви въ томъ видѣ, какъ эти духовные дары проявлялись у тогдашнихъ Коринѣскихъ христіанъ. Здѣсь, какъ и во всемъ отдѣлѣ о духовныхъ дарахъ (гл. 12—14), языкоговореніе Апостоль несомнѣнно ставитъ ниже пророчества, находя въ первомъ знаменіе только для невѣровъ и невѣрія, а во второмъ— для вѣры и вѣрующіхъ.

Однакожь приводимые Апостоломъ примѣры, при общепринятомъ переводѣ текста и обычномъ толкованіи дара языковъ, представляются не совсѣмъ ясными. Христіанинъ начинаетъ говорить, положимъ, на монгольскомъ языкѣ, коего не понимаетъ ни самъ онъ, ни присутствующіе на собраніи христіане и невѣрующіе. Но оказывается среди христіанъ кто-либо знающій этотъ языкъ и начинаетъ толковать, что это—такой-то языкъ и рѣчь глоссолала означаетъ то-то. Для вѣрующіхъ такія рѣчи глоссолаловъ и ихъ толкователей конечно могли свидѣтельствовать о наитіи Святаго Духа на говорившихъ, но для невѣрующаго тутъ не было никакого знаменія, ибо отъ него здѣсь уже напередъ требуется вѣра въ то, что глоссолаль говоритъ именно на такомъ-то языкѣ и его рѣчь имѣетъ такое-то значеніе. А если онъ не имѣетъ такой вѣры, если онъ, какъ называетъ его Апостоль, есть *ἄπιστος*—невѣръ, то какое же тутъ могло быть для него знаменіе?

Съ другой стороны и общепринятый переводъ слова *καίμβετε*

русско-славянскимъ: „бѣснуетесь“ или, какъ другіе переводы: „безумствуете, сумасшествуете“—не соотвѣтствуетъ мысли Апостола о томъ, что языкоговореніе должно было служить знаменіемъ для невѣровъ. Въ самомъ дѣлѣ: если присутствовавшіе на собраніи Коринѣскихъ христіанъ язычникъ и невѣръ, слыша глоссолаловъ, скажутъ, что это—безумные или бѣснующіеся, то какое же тутъ знаменіе для этихъ невѣровъ и язычниковъ? Напротивъ, если эти, присутствовавшіе на собраніи христіанъ, язычники и невѣры, подъ неотразимымъ дѣйствіемъ рѣчей пророковъ, признаютъ присутствие Истиннаго Бога среди христіанъ, то не будутъ ли эти пророчества знаменіемъ именно для невѣровъ и язычниковъ? Получается такимъ образомъ обратный выводъ: языкоговореніе Коринѣскихъ христіанъ могло скорѣе служить знаменіемъ для вѣрующихъ, а пророчества—для невѣрующихъ. А это въ свою очередь могло бы вести къ подозрѣнію, что въ 22-мъ стихѣ термины: *вѣрующіе* и *невѣры* переставлены и текстъ испорченъ, если бы непререкаемая правильность его не была удостовѣрена ветхозавѣтнымъ цитатомъ, гдѣ *иноговореніе* является знаменіемъ именно невѣрія и тѣхъ, *кто не слушаютъ Господа*.

Эти трудности побуждаютъ насъ войти въ ближайшее истолкованіе указаннаго текста.

Стихъ 20-й, какъ постоянно у Апостола, представляетъ заключеніе къ предшествующему разсужденію и тему дальнѣйшаго: „*Братья! не дѣти будьте* (Слав. букв. точно: *бывайте*) *разумомъ, но зломъ* (Русск: *на злое*) *младенчествуйте, разумомъ же совершенны будьте* (Слав. точно: *бывайте*). Такъ въ жизни христіанской вообще, такъ и частнѣе—въ разсужденіи даровъ духовныхъ, и особенно—языкоговоренія и пророчества. Апостольскій предостерегаетъ новообращенныхъ Коринѣянъ отъ дѣтски-легкомысленнаго увлеченія языкоговореніемъ, какъ даромъ чувства и сердца, поставляя на видъ болѣе полезный и болѣе совершенный даръ разума—пророчество (Ср. 14, 1—19).

Далѣе Апостольскій и раскрываетъ сравнительное значеніе обонихъ даровъ по отношенію къ вѣрѣ и невѣрію, находя въ языкоговореніи, какъ дарѣ низшемъ и младенческомъ, знаменіе для невѣровъ, а въ пророчествѣ, какъ дарѣ высшемъ и болѣе совершенномъ, знаменіе для вѣрующихъ.

Слѣдую общному своему приему, Апостоль дѣлится разсужденіе на двѣ половины: общую отвлеченную (абстрактную) и частную личную (конкретную).

Часть общая (ст. 21—22) также распадается на двѣ половины: въ первой приводится ветхозавѣтное изреченіе (ст. 21), а во второй дѣлается выводъ изъ цитата примѣнительно къ языкоговоренію и пророчеству (ст. 22).

Ст. 21. „Въ законѣ (т. е. Ветхомъ Завѣтѣ ср. ст. 34,— Рим. 3 19,—Іоан. 10, 34; 15, 25) написано, что чрезъ иноязычныхъ (*ἐν ἑτερογλώσσοις*, т. е. людей, говорящихъ иными или другими языками, не обычнымъ природнымъ языкомъ, иноязычникомъ, точно въ древне-слав. Христиноп., иными языки тепер. не точно) и чрезъ уста другихъ (*καὶ ἐν χεῖλεσιν ἑτέροις*, др. чт: *ἐτέροις* слав: и устны иными) заговорю народу сему (*λαλήσω τῷ λαῷ τούτῳ*), и такъ (при такомъ говореніи) не послушаютъ (такъ Христин. но тепер. буквальный: и ни тако, Св. Ал: и ни тако же) Меня, говоритъ Господь“. Выраженіе *καὶ οὐδ' οὕτως* означаетъ: но и тогда (русск.), и ни такимъ образомъ или и ни тако (слав.), и даже такъ, и все же, и при такомъ говореніи: ср. Марк. 14, 59; 4 Макк. 5, 18; Іезек. 16, 28—29, гдѣ соответствующее ему еврейское *וְלֹא יִשְׁמָעוּ* стоитъ въ параллели съ *לֹא יִשְׁמָעוּ* и даже не, и также не, и все же не, греч: *οὐδὲ ἐν τούτοις*,— въ такомъ значеніи это выраженіе толкуется и варіантомъ: *οὐδέπω* — и все таки не, и также не, и тогда не. Отрицаніе *οὐδ'*, а не *οὐχ* мотивируется мыслию о непослушаніи Израиля и другому, предварявшему иноязычіе, говоренію Бога, именно чрезъ пророковъ. Къ выраженію *εἰσακούσονται* (варіантъ *εἰσακούσεται* въ экзегетическомъ отношеніи не имѣетъ значенія) *μου*—съ родит. въ значеніи повиноваться, внимать, слушать съ намѣреніемъ слѣдовать слышимому ср. Матѣ. 17, 5.—Іоан. 10, 8,—Дѣян. 3, 22 др.

Цитатъ несомнѣнно взять изъ Иса. 28, 11—12, хотя и не соответствуетъ буквально ни Еврейскому, ни Греческому. Въ теперешнемъ еврейскомъ читается такъ: „потому что (причина того, что у Израиля вмѣсто нравственности царить пустосвятство—заповѣдь на заповѣдь, правило на правило) чрезъ лепечущихъ устами (или: устами иностранцевъ) и чрезъ языкъ иной (чужой) заговорится (заговорятъ) къ народу сему, — имъ говорилось (говорили): „вотъ покой: упокойте утружденнаго, — и вотъ отдыхъ“, и (но) не хотѣли слу-

шатъ“,—LXX: „διὰ γαγγλιῶν χειλέων, διὰ γλώσσης ἑτέρας, ὅτι λαλήσουσιν λαφ̄ τούτω, λέγοντες αὐτοῖς τοῦτο τὸ ἀγάπημα τῷ περὶ ὧν καὶ τοῦτο τὸ σύντριμμα, καὶ οὐκ ἠθέλησαν ἀκοῦειν: (скорби на скорбь ожидай, надежды къ надеждѣ, еще мало, еще мало) ради худости устъ, чрезъ языкъ другой,—потому что заговорятъ народу сему, говоря имъ: вотъ покой алчущему и вотъ сокрушеніе,—и не восхотѣли слушать“. Не соотвѣтствуя по буквѣ ни греческому ни еврейскому, а по смыслу приближаясь къ подлиннику (греческій, повидимому, испорченъ и не имѣетъ ясности), цитатъ Апостола представляетъ перифразъ или таргумъ подлинника, примѣнительный къ раскрываемой писателемъ мысли. Возможно впрочемъ, что Апостолъ читалъ иной текстъ, точно соотвѣтствовавшій цитатѣ, такъ какъ Оригенъ свидѣтельствуетъ, что „онъ нашелъ соотвѣтствующее (τὰ ἰσοδυναμοῦντα τῇ λέξει ταύτῃ) апостольскому чтенію въ переводѣ Акилы“, а Иеронимъ, указуя на различіе въ данномъ случаѣ чтеній еврейскаго, LXX, Симмаха и Θεοδοτίου, молчитъ объ Акилѣ, хотя предполагаетъ, что Апостолъ взялъ текстъ съ еврейскаго подлинника въ теперешнемъ его видѣ, какъ читалъ и самъ Иеронимъ (см. Field, Orig. Hexapla ad h. c.).

Какъ бы то ни было, Апостолъ приводитъ именно это мѣсто изъ 28-й главы пророка Исаи. Между тѣмъ какъ вѣнецъ гордыни пьяныхъ Ефремлянъ отдается на поправіе враговъ, „Господь воинствъ, говоритъ пророкъ, въ тотъ день будетъ великолѣпнымъ вѣнцомъ и славною діадемою для остатка народа своего, и духомъ правосудія для сидящаго въ судилищѣ и мужествомъ для отражающихъ непріятеля до воротъ. Но и эти (подобно Ефремлянамъ) шатаются отъ вина и сбиваются съ пути отъ сикеры; священникъ и пророкъ спотыкаются отъ крѣпкихъ напитковъ; побѣждены виномъ, обезумѣли отъ сикеры, въ видѣніи ошибаются, въ сужденіи спотыкаются, ибо всѣ столы наполнены отвратительною блевотиною, нѣтъ мѣста. А (еще говорятъ): „кого хочеть Онь (Богъ) учить вѣдѣнію? и кого вразумлять проповѣдью? (Неужели) отнятыхъ отъ груднаго молока, отлученныхъ отъ сосцевъ? Ибо все (у насъ) заповѣдь на заповѣдь, правило на правило, тутъ немного и тамъ немного“; потому что чрезъ лепечущихъ устами (чрезъ тѣхъ, кои лепечуть устами, говорятъ непонятно, или: устами иност-

ранцевъ) и чрезъ языкъ иной (чужой) заговорится къ народу сему (Русск: за то лепечущими устами и на чужомъ языкѣ будутъ говорить къ этому народу),—*имъ говорилось* (*говорили*, буквально: *Кто говорилъ имъ*, т. е. Богъ чрезъ пророковъ): „*вотъ—покой, упокойте утружденнаго* (русск: дайте покой утружденному),—*и вотъ—отдыхъ,—и* (русск: по они) *не хотѣли слушать*. И будетъ (русск: стало) у нихъ словомъ Бога: „заповѣдь на заповѣдь, заповѣдь на заповѣдь, правило на правило, правило на правило, тутъ немного, тамъ немного“,—такъ что пойдутъ, и упадутъ навзничъ и разобьются, и попадутъ въ сѣть и будутъ уловлены. Итакъ выслушайте слово Господне, люди хулы, правители народа сего, что въ Иерусалимѣ. Поелику вы говорите: „мы заключили союзъ со смертію и съ преисподнею сдѣлали договоръ,—(почему) когда всепоражающій (букв: наводняющій, стремительно потопающій) бичъ будетъ проходить, онъ не дойдетъ до насъ, ибо ложь сдѣлали мы убѣжищемъ для себя и обманомъ прикроемъ себя“, то посему такъ говоритъ Господь Богъ: „вотъ Я полагаю въ основаніе на Сионѣ камень,—камень испытанный, краеугольный, драгоценный, крѣпко утвержденный,—вѣрующій въ него не постыдится,—и поставлю судъ мѣриломъ и правду вѣсами, и градомъ истребится убѣжище ляжи и воды потопаютъ мѣсто укрывательства,—и союзъ вашъ со смертію рушится и договоръ вашъ съ преисподнею не устоитъ,—когда пройдетъ всепоражающій бичъ, вы будете поцраны,—какъ скоро онъ пройдетъ, схватить (унесетъ) васъ, потому что каждое утро будетъ проходить, днемъ и ночью, и будетъ только ужасъ внушать шумъ его“.

Изъ общей связи мыслей явствуетъ, что неяснымъ лепетомъ и языкомъ инымъ вмѣсто прежней ясной и природной рѣчи Богъ заговорилъ съ Израилемъ тогда, когда послѣдній сталъ невѣренъ Богу и непослушенъ Его велѣніямъ. Пока Израиль былъ вѣренъ Іеговѣ, Онъ говорилъ съ нимъ устами пророковъ, но съ невѣріемъ и богоотступничествомъ Израиля Іегова заговорилъ съ нимъ языкомъ инымъ и устами лепечущими. По связи рѣчи, подъ этимъ языкомъ надо разумѣть то многознаменательное и много говорившее, хотя и неясно и символически, наказаніе, какое Богъ послалъ Израилю за его невѣріе посредствомъ поцранія на-

рода Божія иноплемениками. Этимъ многозначительнымъ языкомъ событій Богъ заговорилъ съ Израилемъ со времени плѣна, когда прекратилось ветхозавѣтное пророчество. И Израиль отчасти понималъ конечно этотъ неясный языкъ Иеговы въ символикѣ событій,—въ наводнившемъ землю бичѣ Божіемъ онъ съ ужасомъ слышалъ гласъ гнѣва Иеговы, наказующаго избранный народъ. Но съ утратою вѣры Израиль потерялъ средство къ должному уразумѣнію того, чего требуетъ Иегова, говоря такими лепечущими устами и языкомъ чужимъ. Иегова требовалъ того, что прежде ясно высказывалъ устами пророковъ: покойте утружденнаго, любите Бога и ближняго, будьте нравственно - святы. Но Израиль, вообразивъ себя совершеннѣйшимъ, уже давно отнятымъ отъ груди матери своей, по своему невѣрію и упрямству не захотѣлъ внимать этому простому и ясному голосу, а сталъ злоумудрствовать въ разныхъ тонкостяхъ и ухищреніяхъ законничества и мнимаго угожденія Богу посредствомъ заповѣди на заповѣдь, правила къ правилу, разныхъ казуистическихъ мелочей пустосвятства. Такимъ образомъ пророческія „вѣру, правду и милость“ замѣнили пустосвятствомъ „жертвы съ мяты, тмина и аниса“. Воображая себя совершеннѣйшими, они оказываются младенцами, кои, не слушаясь матери или няньки, падаютъ навзничь и разбиваются. Израиль слышалъ шумъ отъ наводнивашаго землю бича Иеговы, и этотъ шумъ внушалъ ему одинъ только ужасъ предъ гнѣвомъ Божіимъ, заставляя приносить умилостивительныя жертвы разгнѣванному Иеговѣ,—но за этимъ шумомъ устрешенный Израиль уже не слышалъ требованій божественной правды и любви, ясно открытыхъ въ пророческихъ словахъ и постигаемыхъ только вѣрою (нравственною чистотою сердца). Такъ по причинѣ невѣрія своего Израиль лишился способности понимать ясныя пророческія рѣчи и за это Иегова заговорилъ съ невѣрнымъ народомъ на другомъ мало понятномъ языкѣ исторической символики и грозныхъ событій.

Въ такомъ же отношеніи къ вѣрѣ учениковъ и невѣрію толпы стояло прямое и приточное ученіе Господа Христа. Послѣ того какъ Онъ всенародно (Матѣ. 5, 1; 7, 28) и ясно сообщилъ Свое ученіе въ Нагорной Бесѣдѣ (Матѣ. 5—7 гл.). сталъ потомъ учить народъ притчами, а ученикамъ наединѣ

разъяснять ихъ. На вопросъ учениковъ: „почему въ притчахъ говоришь имъ?“ Господь отвѣчалъ: „потому что вамъ дано знать тайны царства небеснаго, а тѣмъ не дано, ибо кто имѣеть, дастся ему и преумножится, а кто не имѣеть, и что имѣеть, отнимется у него; потому въ притчахъ имъ говорю, что видя не видятъ и слыша не слышатъ и не разумѣютъ; и исполняется съ ними пророчество Исаи, говорящее: слухомъ услышите и не уразумѣете, и взирая не узрите и не увидите, ибо огрубѣло сердце народа сего, и ушами съ трудомъ слушали, и глаза свои сомкнули, да не увидятъ глазами, и ушами не услышатъ, и сердцемъ (не) уразумѣютъ и (не) обратятся, и (не) исцѣлю ихъ“ (Матѣ. 13, 10—17. 34. 35. 51 ср. Марк. 4, 11 сл. 33—34; Лук. 8, 10). Точно также тайну Своихъ страданій, смерти и воскресенія Господь ясно открывалъ ученикамъ, что ученики хотя и не понимали, но вѣрили Своему Наставнику (Матѣ. 16, 21 дал. 17, 9; Лук. 9, 44—45). Напротивъ, невѣровавшей толпѣ и фарисеямъ, книжникамъ, законникамъ и священникамъ Господь открывалъ эту тайну прикровеннымъ образомъ и въ загадочныхъ словахъ, на примѣръ о разрушеніи храма и тридневномъ возстановленіи его (Іоан. 2, 19—22), о яденіи плоти и питіи крови Сына Человѣческаго (Іоан. 6, 43—60), о знаменіи Іоны пророка (Матѣ. 12, 39—40). Для учениковъ этотъ прикровенный языкъ Христа не имѣлъ существенно-необходимаго значенія, ибо имъ сообщалась тайна въ прямой и ясной рѣчи, коей они хотя и не разумѣли, но были преданы Господу и вѣрили въ Него. Невѣровавшій же народъ и его руководители, хотя также не понимали прикровенныхъ словъ Христа, однакожь таинственность ихъ вызвала въ нихъ невольный страхъ ко Христу, заставляла ихъ невольно повиноваться Ему (при изгнаніи торгашей изъ храма, при взятіи Господа Іоан. 2, 14 сл. 18, 6. 8) и преждевременно не налагать на Него своихъ рукъ (Іоан. 7, 25. 30—32 сл. 44 др.). Такое же устрашающее значеніе для невѣрія имѣли и нѣкоторыя таинственно-символическія чудеса Христа—потопленіе свиней и изсушеніе смоковницы, какъ знаменія неизбѣжной гибели всего нечистаго и бесплоднаго, то-есть язычества и іудейства. Таинственность всегда имѣеть въ себѣ нѣчто устрашающее. Эта таинственность лица и ученія Христа служила для невѣровъ и враговъ Его тѣмъ,

чѣмъ былъ шумъ наводняющаго землю бича Божія для невѣровавшаго Израиля. Этотъ таинственно-символическій языкъ Іеговы и Христа вызывалъ невольный страхъ въ невѣрахъ.

Сказаннымъ вполне объясняется смыслъ 22-го стиха: „такъ что (ѡбѣ—слѣдствіе или выводъ изъ ветхозавѣтнаго цитата,—соединяетъ этотъ стихъ съ предъидущимъ въ одинъ періодъ, поэтому нельзя ослаблять этой связи разрывомъ предложеній, какъ русс.: „и такъ“) языки въ знаменіе суть (служатъ) не вѣрующимъ (не тѣмъ, кто вѣруютъ), но невѣрамъ, а пророчество—не невѣрамъ, но вѣрующимъ: ѡбѣ αὶ ὑλῶσθαι εἰς σημεῖον εἶναι οὐ τοῖς πιστεύουσιν ἀλλὰ τοῖς ἀπίστοις, ἢ δὲ προφητεῖαι οὐ τοῖς ἀπίστοις ἀλλὰ τοῖς πιστεύουσιν“. Изъ приведеннаго ветхозавѣтнаго цитата Апостоль дѣлаетъ общій выводъ относительно значенія языковоренія и пророчества для вѣры или вѣрующихъ и невѣрія или невѣрующихъ. Для возбужденія вѣры и для вѣрующихъ языковореніе не имѣетъ существеннаго значенія и не служитъ знаменіемъ, ибо имѣются ясныя пророческія откровенія. Но для невѣровъ и для укрощенія невѣрія оно является таинственно-устрашающимъ средствомъ, заставляющимъ невольно остерегаться глумленія и насилія надъ истиною и святостью.

„Пророчество же, говоритъ Апостоль,—не невѣрамъ, но вѣрующимъ“. Какимъ образомъ пророчество служитъ знаменіемъ для вѣрующихъ, это понятно. Оно открываетъ имъ тайны божества, научаетъ, даетъ назиданіе, увѣщаніе и утѣшеніе (ст. 3. 30. 31), вызываетъ вѣру въ тѣхъ, чьи сердца являются чистыми носителями вѣры, какъ напимѣръ въ Наѡанаилѣ (Іоан. 1, 47—50), Самарянкѣ (Іоан. 4, 17 дал.), въ народѣ (Матѣ. 7, 28—29), ученикахъ (прошальная бесѣда и др.). Но почему же „не невѣрамъ“? Ясная рѣчь о томъ, чему люди не склонны вѣрить, что противно ихъ внутреннему настроенію, какъ бы органически отталкивается ихъ нравственной природою,—она можетъ только злить и раздражать ихъ, вызывая въ нихъ звѣрскія влеченія. Когда воспыалъ гнѣвъ Господа на Амасію и посланъ былъ къ царю пророкъ съ яснымъ обличеніемъ: „зачѣмъ ты прибѣгаешь къ богамъ народа сего?“,—царь отвѣчалъ: „развѣ тебя поставили совѣтникомъ царскимъ? Перестать, чтобы не убили тебя!“ И пересталъ пророкъ, сказавъ: „знаю, что рѣшилъ Богъ по-

губить тебя, потому что ты сдѣлалъ сіе и не слушаешь совѣта моего“ (2 Парал. 25, 15—16). Напротивъ вѣрующей Давидъ на обличеніе пророка Наана отвѣчаетъ: „согрѣшилъ я предъ Господомъ“ (2 Цар. 12, 13) и составляетъ покаянную пѣснь (Псал. 50-й). Тоже и въ Новомъ Завѣтѣ. Ясныя откровенія и обличенія Господа всегда сопровождаются смертоубійственной злобою невѣровъ, какъ это было въ Назаретской синагогѣ (Лук. 4, 28—29), на праздникъ Кушей (Іоан. 7, 7. 19. 44,—8, 59), Обновленія (10, 33. 39).

О самыхъ терминахъ: *πιστεύουσιν*, а не *πιστοίς* (какъ нѣк. неавтор. варианты),—и, напротивъ, *ἀπιστοίς*, а не *ἀπιστοῦσιν*,—можемъ замѣтить, что между ними такое же различіе, какъ между причастіемъ, выражающимъ дѣйствіе или состояніе,—и прилагательнымъ, означающимъ свойство, качество, принадлежность. Соответственно этому въ словахъ Апостола можно видѣть указаніе на постоянный процессъ живаго взаимодѣйствія и развитія вѣры и пророчества съ одной стороны, и бездѣйственности пророчества и устрашающемъ только вліяніи языкоговоренія на установившееся уже и какъ бы затвердѣвшее свойство невѣрія, что по русски выражается терминами: *вѣрующей* и *невѣръ* въ отличіе отъ *невѣрующаго*. Но въ отношеніи этой какъ и другихъ подобныхъ тонкостей школьной филологіи никогда нельзя забывать обычнаго словоупотребленія и,—что особенно важно въ данномъ случаѣ, какъ и вообще весьма-весьма часто у Ап. Павла и другихъ новозавѣтныхъ писателей, — звуковаго ритма фразы.

Изъ раскрытаго въ ст. 21—22 общаго значенія языкоговоренія и пророчества Апостоль дѣлаетъ далѣе частное примѣненіе къ Коринѣской общинѣ (ст. 23—25), и притомъ—сначала языкоговоренія (ст. 23), а потомъ пророчества (ст. 24—25).

„Если такимъ образомъ—*ἐάν οὖν*“ (это *οὖν*, опускаемое нѣкоторыми греч. и лат. и русск., но слав.: убо, Христ.: бо,—необходимо здѣсь для выраженія той тѣсной логической связи, въ какой дальнѣйшая рѣчь о коринѣскихъ глоссолалахъ и пророкахъ стоитъ съ предшествующимъ раскрытіемъ общаго значенія языкоговоренія и пророчества, какъ частное примѣненіе общаго положенія) „*сойдется—συνέλθῃ*“ (чтеніе нѣкоторыхъ неавтор. *ἐλθῃ* не имѣетъ экзегетическаго значенія)

„община вся—ἐκκλησία ὅλη“ (вариантъ ὅλη ἢ ἐκκλησία не имѣеть экзегетическаго значенія,—разумѣются всѣ коринѣскіе христіане, какое бы мѣсто ни занимали они въ этой общинѣ, почему подъ дальнѣйшимъ *ἰδιῶται* нельзя разумѣть простыхъ мірянъ въ отличіе отъ іерархическихъ лицъ) „*и всѣ—ἐπὶ τὸ αὐτό*“ (въ одно мѣсто, гдѣ собиралась община: ср. Матѣ. 22, 34; Дѣян. 2, 1 ср. Дѣян. 12, 12; Рим. 16, 3; 1 Кор. 16, 19; Дѣян. 18, 2). Это предложеніе выражаетъ общее условіе, къ коему присоединяются потомъ два, болѣе частныя: если всѣ говорятъ языками и если всѣ пророчествуютъ, причемъ параллельно къ общему условію служить также общее для обоихъ частныхъ: если войдутъ (войдетъ) простецы (простецъ) или невѣры (невѣръ).

„И (если) *всѣ говорятъ* (или: станутъ говорить) *языками—καὶ πάντες λαλοῦσι γλώσσαις*: Разночтенія: „станутъ говорить языками всѣ“ или: „всѣ языками“ или: „всѣ языками станутъ говорить“ имѣютъ противъ себя авторитетъ кодексовъ Син. Ват. Ал.,—притомъ наиболѣе удостовѣренныя варианты: второй (Копт. Эѳіоп. Амвросіастъ) и послѣдній (код. Безы или Кембр. Вульг. Сир.) не измѣняютъ отгѣнка въ мысли авторитетнаго чтенія. Первый же вариантъ, хотя и можетъ быть понимаемъ въ значеніи логическаго ударенія на „всѣ“, но онъ менѣе всѣхъ другихъ чтеній удостовѣренъ. Притомъ очевидный ритмическій и логическій параллелизмъ между 23 и 24 стихами ручается за чтеніе: „*всѣ* говорятъ языками“, какъ соотвѣтствующее съ „всѣ пророчествуютъ“. Въ этомъ параллелизмѣ „всѣ“ есть общій членъ, а „говорятъ языками“ и „пророчествуютъ“—частныя противоположенія. Это заставляетъ въ первомъ „всѣ“ разумѣть „всѣхъ коринѣскихъ глоссолатовъ“, всѣхъ, кто обладалъ даромъ языковоренія и кто могъ проявить этотъ даръ на собраніи коринѣскихъ христіанъ,—а не „говореніе глоссолатовъ всѣхъ сразу“, такъ какъ въ параллельномъ „всѣ пророчествуютъ“ невозможно разумѣть одновременное говореніе всѣхъ коринѣскихъ пророковъ (тогда указанное Апостоломъ дѣйствіе пророчествъ на простецовъ или невѣровъ было бы необъяснимо).

„*Войдутъ же* (а между тѣмъ, въ это время войдутъ) *простецы или невѣры—εἰσελεύσονται δὲ ἰδιῶται ἢ ἄπιστοι* (опущеніе въ Ватик. „или невѣры“ тенденціозно, если не ошибка

писца,—„невѣры или простецы“ у Амвросіаста не имѣетъ экзегетическаго значенія). Кромѣ толкуемаго мѣста терминъ *idiōtēs* встрѣчается еще трижды: Дѣян. 4, 13 и 2 Кор. 11, 6—въ значеніи простеца, не свѣдующаго въ писаніяхъ, не опытнаго въ словѣ (литературно-риторическомъ),—и въ 16-мъ стихѣ толкуемой главы, гдѣ терминъ можетъ означать простаго мірянина коринѣской общины, человѣка мало свѣдующаго въ христіанствѣ, въ отличіе отъ лицъ, занимавшихъ какое-либо особое мѣсто въ общинѣ—учителя, пророка, благовѣстника и под. Но и въ 16-мъ стихѣ терминъ можно понимать въ такомъ же смыслѣ, какъ и въ толкуемомъ отдѣлѣ. Происходя отъ *idios*—свой собственный, особенный,—терминъ вообще указываетъ на человѣка, не принадлежащаго къ извѣстному кругу лицъ, какому-либо обществу,—стоящаго по отношенію къ нему особнякомъ,—частное лицо въ отличіе отъ должностнаго. Въ толкуемомъ мѣстѣ со всею ясностію и рѣшительностію *idiōtai* отдѣлены отъ *ἡ ἐκκλησία ὅλη* и поставлены рядомъ съ *ἐπιστοί*. Такимъ образомъ не можетъ быть рѣчи о простомъ мірянинѣ коринѣской общины въ отличіе отъ должностныхъ лицъ. Это—частные посѣтители христіанскихъ собраній, лица частныя, не принадлежавшія къ общинѣ и не посвященныя въ интимныя стороны ея жизни,—сначала ходившія на христіанскія собранія изъ простаго только любопытства, быть можетъ имѣвшія родственниковъ среди христіанъ. А если этихъ *idiōtai* разумѣть и въ 16-мъ стихѣ, то они оказываются уже предрасположенными къ христіанству, принимающими участіе въ религіозныхъ упражненіяхъ общины своими возгласами „аминь“, какъ прозелиты въ іудейскихъ синагогахъ или оглашенные въ христіанскихъ церквахъ. Этимъ своимъ безразличнымъ или даже благорасположеннымъ къ христіанамъ настроеніемъ они отличались отъ „невѣровъ“, шедшихъ на христіанскія собранія съ предвзятою цѣлью хулы и глумленія надъ предполагаемымъ невѣжествомъ и дикостію христіанъ.

Таковыя „простецы“ и „невѣры“, войдя въ собраніе христіанъ, гдѣ всѣ говорятъ языками, „οὐκ εἰροῦσιν“ — „не скажутъ“ (объективное отрицаніе *οὐκ* даетъ видѣть, что это не субъективное только мнѣніе писателя, но должно имѣть для себя объективное основаніе въ самомъ этомъ „всѣ говорятъ язы-

ками“) или „не скажутъ ли“ (причемъ это *οὐχ* будетъ указывать на ожидаемый утвердительный отвѣтъ: да, дѣйствительно скажутъ, должны сказать). Нѣтъ никакихъ, ни грамматическихъ, ни логическихъ, ни экзегетическихъ основаній для предпочтенія одного перевода передъ другимъ. Въ пользу второго перевода можно бы сослаться на филологическое чутье древнихъ переводчиковъ и толкователей, если бы была возможность устранить подозрѣніе, что на этотъ переводъ вліяло не филологическое чутье, а неудобопріемлемая, какъ увидимъ, интерпретація термина *μαρτυροῦτε* въ значеніи „безумствуете“. Съ другой стороны параллелизмъ между толкуемымъ и 24—25-мъ стихами, гдѣ рѣчь не вопросительная, могъ бы свидѣтельствовать за первый переводъ, если бы такое основаніе не было слишкомъ шатко. Въ виду этого толкователь обязанъ считаться съ обѣми возностаніями. (Ср. подобныя же мѣста: Іоан. 7, 19; 16, 31; Рим. 4, 1; 1 Кор. 1, 13; 2 Кор. 3, 1; 12, 19; Евр. 10, 2; Іак. 2, 4; Winer-Lünemann, Grammatik des Neutestamentlichen Sprachidioms, 7 Aufl. Leipz. 1867. § 57. 1 стр. 473—474, и примѣч. 1 на 474 стр.). Надо впрочемъ имѣть въ виду, что возможность обоюдомыслія при *ἐρεῖ* и *ἐροῦσιν* всегда устраняется вопросительными: *πῶς, τίς, τί* Матѳ. 7, 4; Лк. 17, 8,—и у Ап. Павла Рим. 3, 5; 4, 1; 6, 1, 7, 7; 8, 31; 9, 14. 30; и въ толкуемой главѣ 1 Кор. 14, 16,—напротивъ, безъ этихъ вопросительныхъ глаголъ вездѣ употребленъ въ утвердительномъ значеніи: Мав. 21, 3, Лук. 17, 21; Дѣян. 23, 5 и у Ап. Павла Рим. 9, 20.

Какъ бы то ни было, но форма условнаго предложенія: *εἰ* съ сослагательнымъ наклоненіемъ въ протасѣ и изъявительное главнаго времени или повелительное въ аподосѣ (ср. Winer ib. § 41. 6. 2. стр. 273 ср. 6 стр. 275 и Blass, Grammatik des Neutestamentlichen Griechisch, 2-te Aufl. § 65. 4. стр. 218),—указываетъ на объективную ожидаемость или возможность предполагаемаго случая. Такимъ образомъ при данномъ условіи, т. е. „если всѣ стануть говорить языками и войдутъ простецы или невѣры“, эти послѣдніе должны будутъ и дѣйствительно „не скажутъ“ или напротивъ „скажутъ“, смотря по тому, какъ переводить *οὐχ ἐροῦσιν*.

Содержаніе рѣчи, влагаемой въ уста этихъ простецовъ или невѣровъ посредствомъ союза *ὅτι*, Апостоль выражаетъ тер-

миномъ *μαίρεσθε*, коего значеніе должно опредѣлять смыслъ всего толкуемаго мѣста.

Пракорень *ma* (ср. *μαίωμαι*—стремительно направляться къ чему, сильно желать, домогаться, желать), *man* и *men* въ санскрит. означаетъ думать, *man-as* чувство, духъ, воля,—зэнд. *man* думать, *manan* чувство, духъ, латин: *me-tin-i*, *men-s*, *men-tio*, гот: *ga-tin-an* думать, *tin-s* мысль, лит: *min-iu* думаю, нѣм: *meinen*, слав: мню, мнѣніе, помнिति, память (русск: умный, умъ, умѣнье, умнѣть?), греч: *μένω* твердо стоять, *μένος* стремленіе, желаніе, гнѣвъ, жизненная сила, крѣпость,—*μῆτις* гнѣвъ, *μαίωμαι*, *μανθάνω*, *μαίνομαι*, *μανία*, *μάντις* (Georg Curtius, Grundzüge der griechischen Etymologie, 5-te Aufl. § 429; ср. Prellwitz, Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache, art: *μαίνομαι*, *μάντις*, *μείωσις*, *μένος*, *μένο* и *μανθάνω*). Отсюда *μαίνομαι* и *μανία*,—подобно русско-славянскимъ *юрдетво*, *юрдетвовать*, *юрдивый*,—развиваютъ два значенія: а) хорошее—воодушевленія, вдохновенія, восторга, восхищенія—религіознаго, поэтическаго др. и б) плохое—умоизступленія, неистовства, безумства.

Всѣ древніе переводы, какъ и славянскій и русскій, принимаютъ терминъ во второмъ значеніи: *безумствуете*. Относительно теперешняго славянскаго и русскаго переводовъ „*бѣснуетесь*“ надо замѣтить, что хотя безуміе и сумасшествіе съ библейской точки зрѣнія суть, какъ и всякая болѣзнь, слѣдствіе зла и вліяніе бѣса или діавола, но для бѣснованія въ Библии есть свой особый терминъ *δαιμονίζεσθαι* и *δαιμόνιον ἔχειν* съ значеніемъ именно *καταδυναστεύεσθαι ἐπὶ τοῦ διαβόλου* (Дѣян. 10, 38). Поэтому у Иоан. 10, 20 *μαίρεσθαι* стоитъ послѣ *δαιμόνιον ἔχειν* какъ его слѣдствіе и обнаруженіе. Во всѣхъ другихъ случаяхъ *μαίνομαι* и *μανία* употребляются въ значеніи именно безумства, умоизступленія, сумасшествія (Дѣян. 12, 15,—26, 11. 24. 25). Такъ и въ ветхозавѣтномъ греческомъ языкѣ (Прем. Сол. 5, 4; 14, 23. 28; 2 Макк. 4, 4; 4 Макк. 7, 5; 8, 5; 10, 13; Псал. 39 (40), 4; Iер. 32 (25), 16; 36 (29), 26; Ос. 9, 7. 8). Такъ и въ обычномъ языкѣ эпохи *κοινή* (ср. напр. The Oxyrhynchus papyri, ed Grenfell—Hunt, Part 1. XXXIII, 10. 14 стр. 67, папир. 2 ст. по Р. X: *μαίνομένου; καὶ ἀπογενομένου; σοφρονίζεν—οὔτε μαίνομαι οὔτε ἀπογερόμαι*). Поэтому вмѣсто: *бѣснуетесь* (Апост. Румян. музея. 1495 г., Библия 1499 г. Моск. Сян. Библ. др. позд.) лучше древне-

слав: *изумляетея, зли ся дѣте* (Христин.), *неистови есте* (св. Ал.), т. е. безумствуете, неистовствуете.

Однакожь при такомъ значеніи термина не получается удовлетворительнаго отвѣта на вопросъ: какимъ образомъ языки служатъ знаменіемъ не для вѣрующихъ, но для невѣровъ, а пророчество не для невѣровъ, но для вѣрующихъ?

Если будемъ переводить утвердительно: невѣры и простецы „не скажутъ, что вы безумствуете“, то въ чемъ же будетъ состоять знаменіе для нихъ? Неужели только въ томъ, что христіане находятся въ здоровомъ умѣ, а не безумствуютъ, какъ о нихъ быть можетъ сплетничали язычники. Притомъ: какимъ образомъ языкоговореніе, коего безъ содѣйствія толкователей не понимали даже сами вѣрующіе, могло бы убѣдить невѣра въ томъ, что глоссолалы не безумствуютъ? Если же предполагать тутъ, хотя и безъ всякихъ основаній, мысль у Апостола о содѣйствіи толкователей, то вѣдь такая интерпретація, не возбуждая никакихъ подозрѣній въ самихъ вѣрующихъ, не могла быть убѣдительною для невѣровъ и имѣть для нихъ какое-либо значеніе. Такимъ образомъ въ языкоговореніи не получается никакого знаменія для невѣровъ,—скорѣе напротивъ—оно въ такомъ случаѣ служило бы знаменіемъ именно только для вѣрующихъ.

Если же слѣдовать общепринятому переводу въ видѣ вопроса: невѣры и простецы „не скажутъ ли, что вы безумствуете (или: *бѣснуетесь*)“, т. е. именно это „безумствуете“ и скажутъ, то не только не будетъ никакого знаменія для невѣровъ, но получится совсѣмъ обратное, именно противознаменіе. Невѣры вынесутъ впечатлѣніе, что христіане сумасбродничаютъ и неистовствуютъ. Нельзя думать, что Апостоль разумѣетъ здѣсь собственно безтолковое и одновременное говореніе всѣхъ глоссолаловъ сразу и безъ всякаго порядка, что должно было вызывать въ невѣрахъ подозрѣніе христіанъ въ сумасшествіи. Въ такомъ случаѣ языкоговореніе ничѣмъ бы не отличалось отъ пророчества, если бы подъ „всѣ пророчествуютъ“ разумѣть подобное же безтолковое и одновременное говореніе всѣхъ пророковъ сразу. Невозможность толкованія „всѣ“ здѣсь въ смыслѣ „всѣ сразу, одновременно“ со всею рѣшительностію явствуетъ также изъ того, что далѣе и пророкамъ, какъ и глоссолаламъ, Апостоль повелѣваетъ говорить не всѣмъ сразу, но

одинъ за другимъ, въ порядкѣ (ст. 27—29). Это показываетъ, что въ толкуемомъ мѣстѣ, гдѣ рѣчь о знаменіи языкоговоренія для невѣровъ и пророчества — для вѣрующихъ, терминъ „всѣ“ надо понимать или въ смыслѣ „всѣхъ коринѣскихъ христіанъ“, что, какъ увидимъ, не возможно допустить, или же только „всѣхъ обладателей этихъ даровъ“. Но допустимъ наконецъ, что Апостолъ говоритъ именно это: „при одновременномъ говорѣ всѣхъ глоссоалловъ присутствующіе невѣры не скажутъ ли, что вы безумствуете“. Тогда что же получится при упорядоченномъ говорѣ глоссоалловъ? Конечно то, что „невѣры не скажутъ, что вы безумствуете“, т. е. именно то самое толкованіе, какое получается при чтеніи *οἱ ἐξ ὀψων* безъ вопроса и коего неудовлетворительность уже раскрыта нами.

Невозможность общеупотребительнаго въ обыденномъ говорѣ значенія термина въ плохомъ смыслѣ заставляетъ давать ему другое, хорошее значеніе. Вѣдь если бы рѣчь шла о встрѣчѣ коринѣскихъ язычниковъ съ христіанскими глоссоалами гдѣ-либо на улицѣ, на площади, по дорогѣ, — то названіе этихъ глоссоалловъ сумасшедшими въ устахъ язычниковъ было бы вполне естественно и такое значеніе термина *μαίησθε* совершенно подходило бы къ данному положенію. Но Апостолъ даетъ совсѣмъ другое положеніе: всѣ коринѣскіе христіане сошлись въ одно мѣсто для религіозныхъ упражненій и богослуженія, — на этомъ собраніи одними поются пѣсни съ религіознымъ содержаніемъ, другими читается Слово Божіе, иные поучаютъ назидательнымъ словомъ, другіе рассказываютъ евангельскія событія, иные пророчествуютъ, иные говорятъ языками. И вотъ на такое собраніе являются посѣтители изъ язычниковъ и невѣровъ, конечно изъ религіознаго любопытства, — они слышатъ здѣсь однихъ только глоссоалловъ, и это языкоговореніе должно служить знаменіемъ именно для нихъ, невѣровъ-язычниковъ, а не для самихъ христіанъ. Если при такихъ условіяхъ Апостолъ влагаетъ въ уста невѣровъ-язычниковъ терминъ *μαίησθε*, то очевидно этотъ терминъ употребленъ въ его специально-религіозномъ и особенномъ, соответствующемъ данному положенію, техническомъ смыслѣ (*terminus technicus*) — религіознаго вдохновенія, воодушевленія, богодухновенности, божественнаго наитія, религіознаго восторга,

экстаза и под. Это то же, что слово *куралесить* услышать въ обычномъ говорѣ, и прочитатъ въ богослужебной книгѣ (отъ *κύριε ἑλέησον* на эктеѣн), или *юродствовать*—въ газетной полемикѣ, и въ житіи святаго.

Такое значеніе терминъ имѣетъ всегда, когда рѣчь идетъ о религіозныхъ предметахъ, поэзіи, наукахъ, геройствѣ, любви и под. Такъ *μαυόμενος Διόνυσος* — изступленный, восторженный Діонисъ (Богъ) въ Иліадѣ VI, 132, — *μαίεσθαι τῷ Απολλωνῷ*—восторгаться, восхищаться въ честь Діониса и Аполлона—о жрицахъ у Софокла Ant. 1138 и Павзанія 2, 7. 5 ср. 10, 32. 7: *μαίεσθαι ἐπὶ τοῦ θεοῦ* — быть вдохновеннымъ отъ (дѣйствія) бога—у Геродота 4, 79 (см. лексиконы Passow—Rost et cet. и Liddell—Scott къ эт. сл. и Thesaurus Stephani, V. 506—507. 565—566). Особенно у Платона: въ Тимеѣ 86. В (Schneid. II. 245) прямо различаетъ *δύο ἀνοίας γένη, τὸ μὲν μαγίαν, τὸ δὲ ἀμαθίαν*, — ср. 71, E — 72. A (Schneid. 234) о различіи между *μάντις* и *προφήτης*, причемъ *μανεῖς* мыслится какъ *ἔρθεος* (Карповъ, изд. 1879 г. VI. 457),—особенно же въ діалогахъ, посвященныхъ любви — Федрѣ 265, A—B (Hirsch. 1. 726), гдѣ философъ также различаетъ манію двухъ родовъ—происходящую отъ человѣческихъ болѣзней и отъ божественной перемѣны обычнаго состоянія, причемъ божественная манія раздѣляется на четыре вида: пророческую (*μαντικὴν*), вдохновляемую Аполлономъ, таинственную или мистическую (*τελεστικὴν* — невѣрно у Карпова: усовершенительную)—Діонисомъ, поэтическую (*ποιητικὴν*)—Музами и четвертую, названную наилучшею, любовную (*ἐρωτικὴν*)—Афродитою и Эросомъ (Карповъ 2 изд. IV. 91); ср. 244. A — 245. (Hirsch. 711; Карп. 48 — 50); 256, B (Hirsch. 719, Карп. 74); Sympos. 218, B (Hirsch. 693, Карп. 217) Ion. 536. с; см. Astius, Lexicon Platonicum ad h. v. ¹⁾ Подробно раскрываетъ религіозное значеніе термина Ямвлихъ III. 8: причину, по его словамъ, божественной маніи (*θείας μανίας*) служатъ ниспосылаемые отъ боговъ свѣты и сообщаемые отъ нихъ дүхи, кои всецѣло овладѣваютъ человѣкомъ, такъ что онъ произноситъ слова

¹⁾ Такое употребленіе термина можетъ служить однимъ изъ признаковъ того, что Ап. Павелъ былъ знакомъ съ философско - платоническою терминологіей и быть можетъ даже съ почитанными діалогами Платона. Ср. нашу: „Новозавѣтная Пѣснь Любви сравнительно съ Пиромъ Платона и Пѣснью Пѣсней“ стр. 41 и прим. 3 и стр. 55.

не какъ сознательно-разумную рѣчь, но издаетъ ихъ (*φθεγγόμενον αὐτοῦς*) изступленными устами (*μεινωμένοι στόματι*). Это языческое употребленіе термина извѣстно и библейскому греческому языку, причѣмъ терминъ употребляется рядомъ съ *προσητεῖται*, какъ у Плат. въ Тим. 71, Е—72, А. Такъ въ Прем. Сол. 14, 27—28 языческое идолослуженіе (*εἰδώλων θρησκεία*) считается началомъ всякаго зла, ибо они (язычники) или *ἐσφραγισμένοι μενίσσιν* (культъ Діониса) или *προσητεῖουσι φεῦδη* (культъ Аполлона),—и у Иерем. 36 (29), 26 *ο ἐν τῷ οἴκῳ Κυρίου παρτὶ ἀνθρώπων προσητεῖοντι καὶ παρτὶ ἀνθρώπων μεινωμένοι*, т. е. объ отравленіи языческаго культа въ Иерусалимскомъ храмѣ. А у Филона терминъ прямо примѣняется къ библейскому пророческому и вообще священному экстазу въ *Quis rer. divin. haeres* 51 (Wendl. III. 56—57. § 249): *ἐξοτασις ἢ μὲν ἐστὶ λύττα μαριώδης παρένοικον ἐμποιοῦσα... ἢ δὲ πικρῶν ἀρίστη ἐνθεὸς κατακωχή τε καὶ μαρία, ἢ τὸ προσητικὸν γένος χρῆται*; въ *De somn.* II, 34 (Wendl. § 232. III. 295—296): *ὅταν μὲν ἐξ ἔρωτος θεῖον κατασχεθεῖς ὁ τοῦς, διετρίνας ἑαυτοῦ ἄχρι τῶν ἀδύτων, ὄραμῃ καὶ βρονδῇ πέση χροόμενος, προέρχεται θεοφοροῦμενος ἐπιλέλησται μὲν τῶν ἄλλων, ἐπιλέλησται δε καὶ ἑαυτοῦ, μόνον (δὲ) μέμνηται καὶ ἐξήρηται τοῦ δορυφορομένου καὶ θεεαλενομένου, ὃ τὰς ἱεράς καὶ ἀγαθεῖς καθαρῶν ἀρετὰς ἐκδουμῇ. ἐπειδὴν δὲ στῆ (τὸ) ἐνθεοσιώδες καὶ ὁ πολὺς ἡμερος χαλάση, παλινδρομήσας ἐπὶ τῶν θεῶν ἀνθρώπος γίνεται τοῖς ἀνθρώποις ἐντυχῶν*: т. е. „экстазъ бываетъ разный: то это есть изступленное ненство, причиняющее безуміе... но превосходнѣйшій изъ всѣхъ (родовъ экстаза) есть божественное обдержаніе и манія, свойственный пророкамъ.... когда умъ, объятый божественною любовью (эросомъ), простерши себя до предметовъ сокровенныхъ, быстро и стремительно уносится впередъ, богомъ влекомый, тогда онъ забываетъ обо всемъ прочемъ, забываетъ даже о себѣ самомъ, и помнитъ объ одномъ только своемъ Владыкѣ, Коему освящаетъ и воскуряетъ священныя и безтѣлесныя добродѣтели“. Эти мѣста изъ Филона показываютъ, какъ платоническо-языческая манія могла быть понимаема іудеями, воспитавшимися на Библии и знакомыми съ греческою философійю. Они служатъ также прекрасною изъяснительною параллелью къ 1 Кор. 13, 1 и 2 Кор. 12, 1—4. Наконецъ извѣстна одна іудейская могильная надпись-заклинаніе на греческомъ языкѣ, въ коей встрѣчаются

термины *ἐξόβητα μαρτύριον* въ томъ же платоническо - филоновскомъ значеніи божественнаго или священнаго восторга страстной любви (у Deissmann'a, *Bibelstudien*, на 26-й страницѣ, 6-я строка надписи,—ср. транскрипцію на стран. 28, строку 6-ю и переводъ на 31 стр.). Отсюда видимъ, что не только у язычниковъ — грековъ, но и у іудеевъ, говорившихъ на греческомъ языкѣ (преимущественно Александрійскихъ) было общеизвѣстно и употребительно религіозное значеніе термина *μαρτύριον*. Такимъ образомъ *μαρτυροῦμαι* надо переводить: „*воздвоявляетесь (Богомъ), богодухновенны, боговдохновляетесь*“.

Соотвѣтственно этому 23-й стихъ получаетъ такой смыслъ:

Если такимъ образомъ сойдется община (церковь) вся (всѣ коринѣскіе христіане, какое бы ни имѣли они положеніе въ общинѣ) вмѣстѣ (въ одно мѣсто для богослуженія и религіозныхъ упражненій) и все говорятъ (станутъ говорить, заговаривать) языками (всѣ глоссогалы коринѣскіе, коихъ, надо думать, было очень много, а не всѣ коринѣскіе христіане, ибо стоящее съ этимъ изреченіемъ въ логической и риторической параллели „всѣ пророчествуютъ“ отнюдь не можетъ содержать въ себѣ мысли, что всѣ коринѣскіе христіане были пророками, а между тѣмъ такой именно мысли должна бы требовать форма условія, указующая на объективную возможность и ожидаемость даннаго предположенія; впрочемъ мысль измѣняется только количественно, а не качественно: очень многіе и всѣ), а (между тѣмъ, въ это время) войдутъ (язычники) протесты или невѣры, то (слыша всѣхъ коринѣскихъ глоссогаловъ, или пусть даже всѣхъ христіанъ, говорящихъ языками) не скажутъ или не скажутъ ли, что вы боговдохновляетесь.“

Если переводить „не скажутъ“ (ср. Лук. 17, 8, 21; Дѣян. 23, 5 изъ Исх. 22, 37), то очевидно Апостолъ запрещаетъ или, по крайней мѣрѣ, не одобряетъ, чтобы „всѣ говорили языками“, такъ какъ это можетъ послужить препятствіемъ для языкоговоренія быть „знаменіемъ не для вѣрующихъ, а для невѣровъ“. Какимъ образомъ? А такъ, что если всѣ многочисленныя коринѣскіе глоссогалы станутъ говорить свои, даже для вѣрующихъ бывшія непонятными безъ толкованія, рѣчи, то на присутствовавшихъ язычниковъ, непосвященныхъ въ тайны христіанской вѣры, такія рѣчи должны были оставаться безъ всякаго дѣйствія. Присутствовавшіе

могли замѣтить восторгъ глоссоалаловъ въ жестахъ, взорахъ, голосахъ, но содержаніе вдохновенной рѣчи оставалось недоступнымъ ни для язычниковъ, ни для христіанъ (ст. 2—19). Вотъ почему Апостоль не дозволяетъ говорить болѣе двухъ и, самое большее, трехъ глоссоалаловъ порознь, но подъ условіемъ истолкованія глоссоалалической рѣчи, въ противномъ случаѣ рѣшительно повелѣвается молчать въ собраніи, а говорить себѣ и Богу (ст. 27—28). Трудность и таинственность рѣчей глоссоалаловъ требовала отъ нихъ возможной сокращенности и яснаго истолкованія, иначе онѣ были бы утомительны и бездѣйственны, такъ что язычники не могли бы сказать, что христіане находятся въ состояніи боговдохновенности. Напротивъ краткія, но таинственныя изреченія двухъ-трехъ глоссоалаловъ, произнесенныя восторженными звуками, съ вдохновенными взорами и жестами, и понятно разъясненныя толкователями, захватывали и присутствовавшихъ язычниковъ, сообщая и имъ восторгъ глоссоалала и его толкователя. Подъ вліяніемъ этого, даже невольнаго, восторга язычникъ долженъ былъ видѣть въ языкоговореніи христіанъ знаменіе ихъ богодухновенности или той „божественной маніи“, что сообщается, по языческимъ воззрѣніямъ, отъ боговъ, „ниспосылающихъ“ въ ней людямъ своихъ „духовъ“ и свои „свѣты“. При дальнѣйшемъ знакомствѣ съ христіанствомъ это знаменіе для язычника могло перейти въ первую ступень его вѣры и бросить въ его сердце первый лучъ Христова свѣта.

Такъ это—для язычниковъ, коихъ Апостоль называетъ „простоцами“, т. е. если и не благосклонно, то и не враждебно или безразлично относившимися къ христіанству, а можетъ быть интересовавшимися имъ изъ-за своихъ близкихъ—родныхъ и знакомыхъ христіанъ. Но и для упорныхъ „невѣровъ-язычниковъ“ языкоговореніе служило „знаменіемъ“. Эти шли на христіанскія собранія съ предубѣжденіемъ, съ враждебнымъ настроеніемъ, для глумленія, ославленія и под. И вотъ, наслышавшись разныхъ нелѣпныхъ сплетенъ, такой „невѣръ“, вмѣсто ожидаемой пищи для глумленія, дѣлается невольнымъ свидѣтелемъ восторженныхъ, таинственно-краткихъ, сильныхъ и вдохновенныхъ изреченій глоссоалаловъ, съ изъясненіями ихъ толкователями. Тутъ уже нѣтъ мѣста глумленію. Язычникъ „невѣръ“ по меньшей мѣрѣ долженъ былъ признавать у христіанъ ту же божественную манію,

какую онъ находилъ у своихъ почитаемыхъ оракуловъ. И это сознаніе присутствія какой-то таинственной божественной силы, быть можетъ какого-либо еще „невѣдомаго бога“, вызывало у суевѣрнаго язычника - „невѣра“ невольный страхъ предъ христіанами и уваженіе къ нимъ, вмѣсто прежняго глумленія, на основаніи заочныхъ слуховъ о нихъ. Это—такое же, устрашавшее язычниковъ-„невѣровъ“, знаніе, какъ „шумъ наводняющаго землю бича Божія“ для невѣровавшаго Израиля, или таинственность ученія Христа о Своемъ лицѣ—для невѣровавшихъ іудеевъ и ихъ вождей.

Что же касается для самихъ вѣрующихъ, то это языковореніе, при наличности другихъ, высшихъ, даровъ и откровеній, не могло быть такимъ знаменіемъ. Для нихъ не требовалось вѣшняго знаменія присутствія среди нихъ божества, ибо они носили Бога и Христа внутри себя, въ своихъ умахъ, чувствахъ и воляхъ. И вмѣсто страха предъ Богомъ они преисполнены были сыновнею любовью къ Небесному Отцу своему. Языковореніе для нихъ было тѣмъ же, чѣмъ символическій языкъ исторіи для вѣрующаго Израиля, имѣвшаго и понимавшаго ясныя пророчества,—или притчи и таинственно-символическія рѣчи Господа для Его учениковъ, слышавшихъ прямое ученіе Христа.

Смысль не измѣняется существенно и при переводѣ вопросомъ: „не скажутъ ли?“ Такъ какъ форма вопроса предполагаетъ положительный отвѣтъ, то, обращая вопросительное предложеніе въ предполагаемое утвердительное, получаемъ мысль: „должны сказать“, что равно утвердительному „скажутъ“. Другой отвѣнокъ мысли будетъ только въ условіи: „если всѣ станутъ говорить языками“, т. е. всѣ коринѣскіе глоссогалы, какъ и всѣ пророки, подъ указанными ниже условіями — пророки, двое или трое, но могутъ и всѣ по одиночно пророчествовать, а глоссогалы могутъ говорить только двое и самое большее—трое, и то только при наличности истолкованія глоссогалической рѣчи.

Теперь уже не трудно опредѣлить смыслъ и 24—25 стиховъ, раскрывающихъ, какимъ образомъ у коринѣскихъ христіанъ „пророчество служило знаменіемъ не для невѣровъ, а для вѣрующихъ“.

„Если же всѣ (не всѣ онять сразу, ибо тогда не могло бы послѣдовать того дѣйствія пророчества на посѣтителей язык-

никовъ, какое предполагается въ 25 стихѣ,—и не всѣ коринѣскіе христіане, что было бы невѣрно и не соотвѣствовало бы формѣ условія,—но всѣ пророки коринѣской общины,—всѣ, кто получалъ даръ пророчества) *пророчествуютъ* (или: станутъ пророчествовать), *а* (или: *и*) *войдетъ кто невѣръ или протецъ* (частный посѣтитель-язычникъ), — *онъ обличается всѣми* (букв.: *ото всѣхъ*—св. Ал. ср. Християн. разумѣется: всѣми пророками и всѣми христіанами на основаніи пророческихъ откровеній ср. ст. 29), *судится всѣми* (собств.: подвергается сужденію, обсужденію со стороны всѣхъ, *востязается отъ всѣхъ* древнесл.), *тайны* (вариантъ, прибавл.: *καὶ οὐτως*—древнесл. и Ал. не имѣетъ экзегетическаго значенія) *сердца его явными становятся* (слав. букв.: *бываютъ*), *и такъ* (при такомъ положеніи дѣла, такимъ образомъ *καὶ οὕτως* очевидно соотвѣствуетъ *καὶ οὕδ' οὕτως* ст. 21), *навѣ на лице, поклонится Богу* (τῷ θεῷ—Коего исповѣдуютъ христіане, истинному), *возвѣщая, что истинно* (перестановка *οὕτως* послѣ *θεός*; не измѣняетъ смысла) *Богъ* (*θεός* одни и *ὁ θεός*—другіе: въ послѣднемъ случаѣ получается то же значеніе, какъ и *τῷ θεῷ*—истинный Богъ, Коего исповѣдуютъ христіане,—въ первомъ терминѣ понимается съ точки зрѣнія невѣра, въ моментъ его исповѣданія, когда онъ еще не наученъ христіанской вѣрѣ и признаетъ только присутствіе у христіанъ истиннаго божества вообще) *у* (слав.: *въ*) *васъ* (или: *среди васъ*, русск.: *съ вами*) *естъ*“.

Дѣйствіе пророчествъ на языческихъ посѣтителей христіанскихъ собраній, какъ и языкоговоренія, надо различать опять двоякое, соотвѣтственно дѣлаемому Апостоломъ различію самихъ посѣтителей. На лицъ, хотя и не вѣровавшихъ, но склонныхъ къ христіанской вѣрѣ, и на „протецовъ“—язычниковъ обличеніе и обсужденіе тѣхъ тайныхъ мерзостей язычества, о коихъ срамно и говорить (Ефес. 5, 10—14; Римл. 1, 14 сл.), должно было производить такое же неотразимое дѣйствіе, какъ слова Господа на Наанаила и Самарянку (Іоан. 1, 48 сл. 4, 18 сл.). Это раскрытіе тайныхъ язвъ язычества въ каждомъ нравственно настроенномъ протецѣ должно было вызывать вѣру въ истинность христіанской религіи и исповѣдуемаго ею божества,—приводило его къ истинной вѣрѣ и такимъ образомъ было знаменіемъ „вѣрующимъ“ и „для вѣры“. Языкоговореніе для нрав-

ственно настроеннаго язычника-простеца могло представлять нѣкоторое сходство съ оракулами,—оно служило ему знаменіемъ только „божественной маніи“ христіанъ, ихъ вдохновенія отъ „ниспосылаемыхъ богами духовъ и сообщаемыхъ ими свѣтовъ“. Пророчество же не имѣло ничего себѣ сходнаго въ язычествѣ: оно было обличеніемъ язычества и яснымъ раскрытіемъ его мерзостей. Здѣсь уже не „обдержаніе божественнымъ вдохновеніемъ“ и таинственно-восторженные звуки и слова,—здѣсь само божество устами пророка непосредственно, ясно и неотразимо говорило всему внутреннему существу нравственно настроенной природы языческаго простеца. Поэтому онъ невольно ощущалъ здѣсь не „божественное только вдохновеніе“, но „истое присутствіе самого божества“,—становился уже вѣрующимъ Христіаниномъ и общникомъ царства Христова.

Напротивъ въ закоренѣлыхъ невѣрахъ, съ головою погруженныхъ во всѣхъ мерзостяхъ языческаго культа плоти и неспособныхъ обвѣяться духомъ Христа, шедшихъ на христіанскія собранія или только изъ празднаго любопытства или же съ злостною цѣлью глумленія,—сильныя и ударявшія прямо по совѣсти пророческія обличенія мерзостей язычества могли только растравлять неисцѣльныя язвы плотослуженія, только тревожить ихъ сожженную и гнилую совѣсть, только выставлять на показъ ихъ тайныя срамоты. Это—то же самое дѣйствіе, что слова пророка—на Амосію и обличенія Господа — на Его враговъ. Языкоговореніе по крайней мѣрѣ страшило такихъ невѣровъ, пророчество—только озлобляло.

А для самихъ „вѣрующихъ“ христіанъ пророчество служитъ ко всеобщему „назиданію, утѣшенію и увѣщанію“, тогда какъ „говорящій языкомъ говоритъ не людямъ, а Богу, потому что никто не понимаетъ, онъ духомъ говоритъ тайны: говорящій языкомъ себя самого назидаетъ, а пророчествующій церковь (все собраніе, всю общину) назидаетъ“ (ст. 2—4). Какъ даръ ума, пророчество имѣетъ болѣе устойчивое и болѣе общественное значеніе,—напротивъ языкоговореніе, какъ даръ сердца и чувства, отличается болѣе личнымъ и измѣнчивымъ характеромъ. Тамъ — назиданіе, увѣщаніе, утѣшеніе; здѣсь — настроеніе, восторгъ, языкъ чувства.

Таково значеніе языкоговоренія и пророчества въ христіанской Церкви всѣхъ вѣковъ и народовъ. Правда, послѣ Апостоловъ Церковь не знаетъ другихъ пророковъ. Равно и о языкоговореніи Златоустъ замѣчаетъ, что въ его время оно уже прекратилось въ Церкви. Но то—проявленія этихъ даровъ особыя, апостольскія, не повторяемыя, какъ не можетъ повторяться и само апостольство, основанное на самовидствѣ Господа Христа. Но другіе образы проявленія этихъ даровъ въ христіанствѣ отнюдь не прекращались и прекратиться не могутъ. Какъ божественные и духовные дары (*τὰ πνευματικά, τὰ χαρίσματα*) воли (любовь), чувства (языкоговореніе) и ума (пророчества), они также вѣчны, какъ самыя эти проявленія или силы духовной жизни вѣрующаго христіанина. Измѣняясь въ исторіи Церкви, они неизмѣнны и вѣчны по существу. И въ толкуемомъ мѣстѣ разумѣются не исключительно - апостольскіе, а общехристіанскіе дары пророчества и языкоговоренія. Какъ даръ ума и вѣры, назидающій, утѣшающій и увѣщающій вѣрующихъ,—пророчество лежитъ въ основѣ христіанскаго вѣроученія, христіанской науки, церковнаго устройства, теоретическаго раскрытія и практическаго осуществленія христіанскаго идеала посредствомъ *всей соборной Церкви*. Какъ даръ чувства и надежды, вызывающій въ вѣрующемъ божественный восторгъ и восхищеніе до третьяго неба,—языкоговореніе служитъ неизсякаемымъ источникомъ *личнаго подъема религиозной жизни* въ каждомъ вѣрующемъ, христіанскаго богослуженія и поэзіи. Третій даръ—воли и дѣятельности, любовь служитъ высшимъ „союзомъ совершенства“ (Кол. 3, 14) проявленій христіанскаго духа въ согласной и плодотворной дѣятельности (1 Кор. 8, 2—3; Гал. 5, 5—6; Кол. 1, 4—5; 1 Фесс. 5, 8) съ двумя первыми, но подъ ея главенствомъ (1 Кор. 13, 13).

Наконецъ и въ настоящее время, какъ и всегда, сильный энтузіазмъ религиознаго духа, высокій подъемъ религиозной совѣсти и пламенная ревность религиознаго чувства — всѣ эти образы проявленія подлинно-христіанской глоссолатини въ истинныхъ послѣдователяхъ Христа остаются единственно-дѣйственными знаменіями для всякихъ неистовствъ невѣрія и противъ всякаго рода изувѣровъ.

Въ заключеніе отмѣтимъ замѣчающіеся въ истолкованномъ мѣстѣ (какъ и во многихъ отдѣлахъ перваго посланія къ Коринтянамъ и прочихъ посланій Апостола Павла, равно и въ другихъ новозавѣтныхъ и многихъ ветхозавѣтныхъ книгахъ) своеобразное *созвучіе словъ* (звуковой ритмъ) и *соответствіе мыслей* (логическій параллелизмъ), поскольку это можетъ имѣть экзегетическое значеніе.

Ἀδελφοί, μὴ παιδίᾳ—γίνεσθε ταῖς φρεσίν,
ἀλλὰ τῇ κακίᾳ—τηπιύζετε,
ταῖς δὲ φρεσίν—τέλειοι γίνεσθε.

* *
*

Ἐν τῷ λόγῳ γέγραπται,
ὅτι ἐν ἑτερογλώσσοις
καὶ ἐν χεῖλεσιν ἑτέρων
λαλήσω—τῷ λαῶ τούτῳ,
καὶ οὐδ' οὕτως εἰσακουσονται μου,
λέγει Κύριος.

* *
*

Ὡστε αἱ γλώσσαι
εἰς σημεῖόν εἰσιν
οὐ τοῖς πιστεύουσιν,
ἀλλὰ τοῖς ἀπίστοις,—
ἡ δὲ προφητεία
οὐ τοῖς ἀπίστοις,
ἀλλὰ τοῖς πιστεύουσιν ¹⁾).

* *
*

Ἐὰν οὖν συνέλθῃ ἡ ἐκκλησία ὅλη—ἐπὶ τὸ αὐτὸ
καὶ πάντες λαλήσωσι γλώσσαις,
εἰσέλθωσιν δὲ ἰδιῶται—ἢ ἄπιστοι,
οὐκ ἐροῦσιν ὅτι μαίνεσθε.

* *
*

Ἐὰν δὲ πάντες προφητεύωσιν,
εἰσέλθῃ δὲ τις ἄπιστος ἢ ἰδιώτης,

¹⁾ Первые шесть строкъ можно соединить въ три стиха.

ἐλέγχεται ἐπὶ πάντων,
 ἀναιχρίεται ἐπὶ πάντων,
 τὰ κριτὰ τῆς καρδίας αὐτοῦ
 γανερὰ γίγεται,
 καὶ οὕτως πρὸν—ἐπὶ πρόσωπον
 προσκυνῆσει τῷ θεῷ—ἀπαγγέλλων
 ὅτι οὕτως (ὁ) θεὸς—ἐν ἡμῖν ἐστί.

(Ср. Joh. Weiss, Beiträge zur Paulinischen Rhetorik,—нашу „Новозавѣтная пѣснь любви сравнительно съ Пиромъ Платона и Пѣснью Пѣсней“ стр. 80 — 92, статью въ Богосл. Вѣстникѣ за 1892 г. Октябрь,—и комментарий: Heinrici, Godet, Holsten, Cornely, Meyer-Heinrici и Holtzmann).

М. Муретовъ.
